
Изяслав КОТЛЯРОВ

* * *

Кому-то Родина — в укор,
а ты к ней — с покаяньем...
В окне дыхания простор, —
не заблудись дыханьем.
Ты столько лет себе мешал,
когда в себе скитался!
Ты столько лет не там дышал,
вернее, задышался!
Как птица прячется в гнезде,
так ты в квартирах прятал
себя... И жил, и жил везде,
забыв о том, — где надо.
И все же солнечный предел
ты ощутил у жизни:
жить можно, где б ни захотел,
а вот дышать — в Отчизне.

* * *

Ни прежних сил, ни прежнего желанья...
Молчи, душа, ты любишь не любя, —
и нет во мне земного покаянья,
я отстранен от самого себя.
Стать двойником себе я не сумею,
и сквозь себя я на себя смотрю.
Несказанным вновь сказано немею,
со сказанным несказанность миру.
Да, послежизнь — это послесмерть, —
соизмеримость их предвосхитил.
Вы моему безверию не верьте,
я сам себе себя же запретил.

Изяслав Григорьевич Котляров родился в 1938 году в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Работал в газете летчиков гражданской авиации «Западная трасса», в светлогорской районной газете. Был директором Светлогорской картинной галереи «Традиция» имени Германа Прянишникова. Состоял в Союзе писателей СССР, а теперь — в Союзе писателей Беларуси и Союзе российских писателей. Автор 17 поэтических книг, вышедших в Минске и Москве. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Смена», «Студенческий меридиан», «Нева», «Аврора», «Форум», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Неман», «Немига литературная» (Минск), в альманахах «Поэзия» (Москва), «День поэзии» (Москва), «Встречи» (Филадельфия), «Поэтический Олимп» (Москва), «День поэзии» (Минск), в «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях. Живет в г. Светлогорске.

Дышу в каком-то мареве нелепо...
Все сбудется потом уже не мной,
когда однажды я накроюсь небом,
хоть и накроют все-таки землей.

* * *

Так много мнимого у мнимости,
так много чести не в чести...
Я не хочу необходимости,
но существует, черт возьми!
Да, не поправить, не поправиться, —
раз навсегда, раз навсегда.
Нет, не прославить, не прославиться, —
неотвратимостью тщета.
Смешны старания да бдения
и эти взгляды на хулу...
Смывая все мои видения,
стекает ветер по стеклу.
Так невозможно невозвратное, —
все ветром жизни унесло...
Так непонятно непонятное
добром казавшееся зло...

* * *

И снова эта праведная месть, —
я сам себя сознанием обижу:
ни в том, что было, и ни в том, что есть,
я своего присутствия не вижу.
Присутствовать отсутствием дано,
а это послежизние для смерти...
Душе опять от яркости темно...
Кружи, земля, в бессменной круговерти!
А если вдруг устанешь даже ты
иль сами же столкнем тебя с орбиты,
не отдавай небесной высоты,
не рассыпай ее метеориты.
Совсем не так заговорил о том, —
все тени слов мерцаньем ослепили.
Я весь во всех, во всех или ни в ком?
Во мне умрут и небыли, и были.

* * *

Надо как-то позабыть
все, что праведностью было.
Надо как-то полюбить
все, что время разлюбило.

Надо думать не о том,
надо верить не в такое...
Обретение — в покое?
Нет, совсем-совсем не в нем.
И покой — не упокой.
Что-то вспыхнуло над нами...
Отвожу свой взгляд рукой, —
он уже за небесами.
Ах, судите не судя,
а судите рассуждая!
Каждый сам себе судья
и для ада, и для рая.
Не хождение — полет,
да, из тьмы — к земному свету...
Вскрикнет эхо — и поймет,
что и голоса-то нету.

* * *

Итог итогов — тоже не итог.
Предел пределов — тоже за пределом.
Я думаю о том, что сделать мог,
и понимаю: ничего не сделал.
Величия великий знать не знал,
и вы его великим не зовите...
«Цель музыки — молчанье, — он сказал, —
за мною, авиаторы, плывите...»
Ах, мне бы лучше этого не знать,
но все слова, им сказанные, вижу.
И вот опять, немислимо опять
их к своему дыханию приближу.
Цель стихотворства — тоже тишина,
в которой подсознанию говорится, —
и высотой, достающей дна,
уже само творение творится.